

УДК 327.7

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Р. С. Голованов

Предпринята попытка обосновать эвристичность конструктивистского методологического подхода к исследованию процессов евразийской интеграции. Достаточно подробно представлена характеристика конструктивизма, который как интеллектуальная школа начал оформляться в 70–80 гг. прошлого века. Автор приходит к выводу, что с точки зрения конструктивистской парадигмы евразийскую интеграцию можно рассматривать как процесс построения символического пространства, включающего легитимирующие его политические, правовые, экономические и социальные институты.

Ключевые слова: конструктивизм; социальный конструкт; институционализация; легитимация; мобилизация; евразийская интеграция; СССР; Евразийский экономический союз.

ЕВРАЗИЯЛЫК ИНТЕГРАЦИЯГА КОНСТРУКТИВИСТТИК МАМИЛЕ

Бул макалада евразиялык интеграция процесстерин изилдөөгө конструктивисттик методологиялык мамилени эвристиканын негиздөө аракети көрүлдү. Макалада өткөн кылымдын 70–80-жылдарында интеллектуалдык мектеп катары калыптана баштаган конструктивизмге кеңири мүнөздөмө берилди. Автор конструктивисттик парадигманын көз карашынан алып караганда евразиялык интеграцияны аны легитимдештирген саясий, укуктук, экономикалык жана социалдык институттарды өз ичине камтыган символдук мейкиндикти түзүү процесси катары кароого болот деген корутундуга келет.

Түйүндүү сөздөр: конструктивизм; социалдык конструкт; институционалдаштыруу; легитимдештирүү; мобилдештирүү; евразиялык интеграция; СССР; Евразия экономикалык биримдиги.

CONSTRUCTIVIST APPROACH TO EURASIAN INTEGRATION

R.S. Golovanov

The article attempts to substantiate the heuristic of the constructivist methodological approach to the study of the processes of Eurasian integration. The characteristic of constructivism, which as an intellectual school began to take shape in the 70–80s of the last century, is presented in sufficient detail. The author comes to the conclusion that from the point of view of the constructivist paradigm, Eurasian integration can be viewed as the process of building a symbolic space that includes the political, legal, economic and social institutions that legitimize it.

Keywords: constructivism; social construct; institutionalization; legitimation; mobilization; Eurasian integration; the USSR; the Eurasian Economic Union.

Евразийская интеграция к концу второго десятилетия XXI в. стала геополитической реальностью, требующей не только описания, но и исследования с помощью серьезных теоретико-методологических подходов. Автор считает, что в качестве такого подхода может быть использован конструктивизм, который как интеллектуальная школа начал оформляться в 70–80 гг. прошлого века.

Итак, рассмотрим основные параметры конструктивистского подхода и попытаемся распространить конструктивистскую методологию на исследование евразийской интеграции. Тем более

что фактически в современной науке уже наметилась линия на его генерализацию и представление как метода социального конструктивизма [1]. Его суть заключается в том, что общественная реальность мыслится как совокупность социальных общностей. Центральный тезис классиков современного конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана: "...социальный порядок – это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство. <...> Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически данным или происходящим из каких-либо

биологических данных” [2, с. 88]. Социальная реальность творится, конструируется человеческими представлениями, при этом она неотделима от тех категорий, в которых ее осваивают акторы социального и политического действия.

Учитывая, что конструктивистская концепция разрабатывалась в основном в рамках социальной антропологии и этнологии [3], обратимся к принятым в этих науках дефинициям. Так, академик РАН В.А. Тишков утверждает, что этнос “видится как социальный конструктор и как воображаемый коллектив, члены которого лично не знают друг друга и не взаимодействуют, но тем не менее рассматривают себя как единую общность с общим характером, надеждами и судьбой” [4, с. 31].

Если на место этноса поставить более крупную “континентальную” общность, а именно евразийское сообщество, то в современных условиях глобализации к ней вполне применимо данное определение.

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев еще в программной статье 2011 г. утверждал: “Сегодня наши народы все более ощущают себя частью формирующейся евразийской идентичности с ее культурным, религиозным и языковым многообразием, но с общим стремлением к плодотворному экономическому взаимодействию и добрососедству. Мы все являемся свидетелями рождения нового уникального евразийского сообщества наций, у которого не только богатый опыт совместного прошлого, но и неделимая общая история будущего” [5].

Как известно, конструктивизм базируется на концепции рационального выбора, согласно которой человек в различных ситуациях выбирает из нескольких альтернатив поведение в соответствии со своими предпочтениями. Совокупность индивидуальных выборов трансформируется в коллективный выбор, который не сводится к простой сумме индивидуальных выборов: он определяется специфическими факторами, которые обеспечивают достижение нужной цели.

С точки зрения конструктивизма люди обращаются к этнической или другой коллективной (евразийской) идентичности как инструменту “включения” дополнительных ресурсов достижения социальных и индивидуальных целей. Как не привести здесь слова В.В. Путина: “...речь идет о превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры” [6] и утверждение А.Г. Лукашенко: “Интеграция не самоцель. Это инструмент достижения наивысшей цели – роста благосостояния и качества жизни наших людей” [7].

Вернемся к теории. Классики конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман [2] показывают, как субъективные значения (цели), определяющие индивидуальный и коллективный выбор, подвергаются институционализации и вследствие этого превращаются в (объективные) социальные структуры. Принципиальный вывод, к которому приходят авторы: “Важно иметь в виду, что объективность институционального мира, сколь бы тяжелой она ни казалась индивиду, созданная человеком, сконструированная объективность” [2, с. 101]. Институциональный мир, как и любой отдельный институт, – это объективированная человеческая деятельность. Парадокс заключается в том, что человек создает мир, который затем воспринимается им как нечто совсем иное, чем человеческий продукт [2, с. 102].

Дальнейший анализ институционального мира приводит П. Бергера и Т. Лукмана к утверждению, что этому миру требуется легитимация, т. е. способы его объяснения и оправдания. Легитимация осуществляется путем создания символического пространства (символического универсума), в котором индивидуальные и коллективные события связаны в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. В концепции П. Бергера и Т. Лукмана “символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума” [2, с. 158].

Символическое пространство включает знания (когнитивный компонент) и ценности (нормативный компонент), которые легитимизируют “правильные” и “неправильные” действия индивидов в рамках определенного сообщества. “Рефлексия по поводу природы символического универсума, т.е. научное обоснование принимаемых данным сообществом значений, выступает легитимацией в квадрате” [2, с. 172]. Таким образом, легитимация поддерживает реальность социально сконструированного институционального мира.

Следующий важнейший тезис конструктивизма: этнические (как и любые другие социальные, включая евразийскую) общности являются результатом сознательной мобилизации. Мобилизация осуществляется элитами, под руководством которых создаются качественно новые социальные институты.

По аналогии с тем, что ключевую роль в мобилизации членов этнической группы на коллективные действия во имя политических или социальных целей играют лидеры, при исследовании феномена евразийской интеграции выделение роли лидеров представляется наиболее значимым.

Можно сказать, что в принципе любые общественные движения, политический процесс вообще предполагает в качестве обязательного элемента мобилизацию, направленную на консолидацию вокруг определенных идей и целей, выдвигаемых политическими лидерами.

Прекрасным примером, иллюстрирующим приведенные выше теоретические положения конструктивизма, с нашей точки зрения, является процесс распада СССР и образования СНГ. Напомним, что 8 декабря 1991 г. руководители Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, возможно не знакомые с теоретическими основами конструктивизма, совершили действия, полностью им соответствующие, – они подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), в котором признали, что “Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность” прекратил свое существование [8].

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате главы одиннадцати суверенных государств (также в духе конструктивизма) подписали Протокол к данному Соглашению. В нем зафиксировано, что Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина на равноправных началах образуют Содружество Независимых Государств. Грузия стала членом СНГ в 1993 г. и вышла из его состава 18 августа 2009 г. Решения во всех случаях принимала политическая элита в целях реализации собственных геополитических проектов. Насколько удачными они оказались и как сложилась их судьба, это уже другой вопрос.

В Соглашении о создании СНГ указывалось, что оно основывается на исторической общности народов, сложившихся между ними связях и двусторонних договорах. Стороны провозглашали, что “будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, действовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства” [8].

Важным разделом Соглашения являлась договоренность о сотрудничестве государств-членов Содружества в обеспечении международного мира и безопасности, сохранении и поддержании под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства, включая единый контроль над ядерным оружием, о совместных гарантиях необходимых условий размещения, функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил.

Однако сразу же СНГ получило статус “инструмента цивилизованного развода” [9], что и заставило лидеров стран Содружества искать альтернативные интеграционные варианты и конструировать иную реальность, в которой формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов является гарантом повышения жизненного уровня населения, социально-политической стабильности и национальной безопасности [10].

Так, в период с 1994 по 2005 г. неоднократно предпринимались попытки реализовать центральноазиатские региональные проекты, в частности, были созданы и функционировали такие интеграционные объединения, как Центрально-Азиатский союз (ЦАС), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), организация “Центрально-Азиатское сотрудничество” (ОЦАС). В соответствии с задачами этих интеграционных объединений предполагалось, что интеграция будет направлена на создание правовых, экономических и организационных условий для свободного перемещения товаров и услуг, проведение согласованной политики в развитии транспортных коммуникаций, упрощение таможенного и пограничного режима, гармонизацию налоговых систем [11, с. 138].

В 2005 г. было принято решение о правовом оформлении вхождения Организации ЦАС в ЕврАзЭС, но в это же время президент Казахстана Н.А. Назарбаев инициировал создание новой региональной организации – Союза центральноазиатских государств (СЦАГ). По его мнению, Союз мог бы выступить преемником Организации ЦАС в вопросах политического взаимодействия, обеспечения безопасности и культурно-гуманитарного сотрудничества региона, а также стать важным фактором устойчивого развития, повышения уровня конкурентоспособности национальных экономик и успешной интеграции их в мировое сообщество. В обосновании необходимости создания СЦАГ, в частности, говорилось о том, что “реализация инициативы создания Союза центральноазиатских государств должна рассматриваться через формирование реально действующей зоны свободной торговли, развитие предпринимательства и инвестиционного сотрудничества, проведение государствами ЦАС согласованной таможенной, налоговой и тарифной политики, гармонизацию денежно-кредитных и валютных отношений, принятие активных мер по унификации национальных законодательств” [12]. Однако, несмотря на все предпринятые усилия сторон, этот проект не был реализован.

В отличие от вышеназванных, евразийский интеграционный проект смог пройти все стадии: институционализации (создание и практическое

функционирование ЕАЭС), легитимации (формирование нормативно-правовой базы деятельности наднациональных институтов) и мобилизации (поддержка евразийской идеи населением и большей частью элиты интегрирующихся государств) [13].

По результатам регулярных опросов населения СНГ, проводимых Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития в 2012–2017 гг., в 2017 г. население семи участвовавших в исследовании стран в целом относится к ЕАЭС положительно – среднее значение доли респондентов, поддерживающих объединение, для всех стран составляет 64 % [14, с. 20].

Таким образом, с точки зрения конструктивистской парадигмы евразийская интеграция – это социально-политический конструкт, который в соответствии с выделенными конструктивистами закономерностями институционализации, мобилизации и легитимации стал крупнейшим внешнеполитическим проектом России, получившим международное признание и ориентированным на дальнейшее расширение.

Литература

1. Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. ст. / К. Джерджен. Минск: Изд-во БГУ, 2003.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995.
3. Малахов В.С. Лекарство от этноцентризма / В.С. Малахов. URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran>
4. Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / В. Тишков. М., 1997.
5. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего (25 октября 2011 г.) / Н.А. Назарбаев. URL: <http://izvestia.ru>
6. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня (3 октября 2011 г.) / В.В. Путин. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
7. Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции (17 октября 2011 г.) / А.Г. Лукашенко. URL: http://www.sovet-ts.ru/poleznie_materiali/evraziyskiy_ekonomicheskii_soyuz/384/
8. Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. URL: <http://cis.minsk.by>
9. Радзиховский Л. Цивилизованный развод / Л. Радзиховский. URL: <http://actualcomment.ru/daycomment/209/>
10. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астана 29 мая 2014 г. президентами Белоруссии, Казахстана и Российской Федерации. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru>
11. Хопёрская Л. Аргументы Центральной Азии / Л. Хопёрская // "...И время собирать камни..." Евразийская интеграция сегодня. 20 лет после распада СССР. (Фонд исторической перспективы). М.: Книжный мир, 2012. С. 136–165.
12. Рахматулина Г.Г. Перспективы формирования Союза центральноазиатских государств / Г.Г. Рахматулина // Казахстан-Спектр. 2005. № 3. URL: <http://www.kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/perspektivy-formirovaniya-soyuza-central-noaziatskih-go>
13. Голованов Р.С. Вопросы реализации евразийской интеграционной политики / Р.С. Голованов // Вестн. КРСУ. 2017. Т. 17, № 4. С. 50–53.
14. Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. СПб.: Изд-во ЦИИ ЕАБР, 2017.